

УДК 930.8; 947.1 (572.2) (04)

ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Н.С. Эшимбекова

Осуществлена попытка анализа некоторых аспектов этнической идентификации и самоидентификации, объясняющих сложные процессы трансформации культуры этноса.

Ключевые слова: мировоззрение; этногруппа; этническая идентификация; ментальность; номадическая культура.

Исторически формирование культуры тесно связано со становлением кыргызской общности, где пространственно-временные установки синкретично накладывались на этническое мировоззрение кочевника, что позволяло воспринимать мир в постоянной динамике и в результате определяло этническое сознание.

Идентифицируя себя с окружающим пространством, свое будущее каждый народ связывает с собственной национальной культурой, являющейся для него гарантом жизни и интеграции в общемировую культуру. Можно утверждать, что кыргызское мировоззрение на протяжении своей истории практически всегда воспринимало основные моменты мировосприятия окружающих этногрупп, но при этом никогда не теряло своей самобытности.

Известно, что у устойчивого и самодостаточного этноса формируется в процессе исторического развития высокий уровень самосознания, основу которого составляет набор характеристик, состоящих из следующих элементов: происхождение народа, историческое прошлое, государственность, язык, национальные герои (реальные, эпические), нормы и ценности, особенности культуры, этнические стереотипы. На базе выделенных характеристик осуществляется процесс этно- и самоидентификации.

Анализ аспектов этнической идентификации объясняет сложные актуальные процессы трансформации культуры этноса, где каждый феномен этнической культуры символизируется, превращаясь в маркер границ этнокультурных пространств. Культура в данном контексте, являясь по сути уникальной и неповторимой, выступает как этнический, самоидентифицирующий маркер, что детализируется во внешнем пространстве через ее способность и приспособляемость к окружающему миру. Но при этом сама этническая культура не

может оставаться устойчивой и неизменной, так как происходит процесс поглощения и перехода от моноэтнической к полиэтнической инновации. С учетом этого культура и конкретная общественно-политическая ситуация продолжают влиять на стереотипы мышления и поведения и до определенной степени изменять традиционный уклад жизни. Согласно принципу ментальности номадических культур, на материальном уровне инновационные идеи принимаются быстрее, нежели на духовном. И в этом случае наиболее чувствительным к восприятию и формированию новых стереотипов культурных ценностей, инноваций является молодое поколение, старшее же менее подвержено данному процессу и, следовательно, сохраняет традиции предшествующих поколений.

В структуре этнической идентичности выделяются два основных компонента: 1) когнитивный, включающий знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя ее членом на основе этнодифференцирующих признаков; 2) аффективный, являющийся совокупностью оценки качеств собственной группы, отношение к членству в ней, значимость этого членства [1, с. 236].

Важной составляющей первого компонента является комплекс мифов общности, объясняющий и оправдывающий само ее существование, дающий ее членам представление об их идентичности, формирующей определенный способ поведения в обществе, а также мировоззрение. Это объясняется тем, что миф, выполняя этнодифференцирующую и этноинтегрирующую функции, не является персональным.

В каждом обществе, социальной группе формируются мифы, их содержание зависит от конкретных целей создателей мифа. Создаются свои герои и антигерои, но с момента обретения Кыргызстаном независимости прежние герои быстро

становятся антигероями и создаются новые мифы о спасителе (наиболее частые эпитеты, характеризующие спасителя: если бы не мы, то....; мы с народом и ради него; вместе мы решим все проблемы; в память о погибших). В освоении эпитетов в адрес антигероев (вор, не держит слово, многоженец, убийца, разрушитель) обывателям помогают устоявшиеся стереотипы. Это объясняется тем, что мифы необходимы как для существования и выживания различных общностей в кризисных ситуациях, так и для государственных, этнических, классовых нужд.

Современные мифы, как и архаические, объясняют мир и определенным образом направляют действия представителей этноса. В частности, миф создает основу для символов и ритуалов, которые в кризисных социальных и политических ситуациях приобретают для людей огромное значение [2, с. 89]. Например, в период обретения Кыргызстаном независимости были реанимированы в совокупности элементы культуры (язык, традиции, обычаи, фольклор, этнические герои) в целях консолидации этноса. В подобных условиях особое значение приобретает этноисторический миф, легитимирующий право данной группы на территорию, на развитие своей культуры и на самостоятельное политическое оформление. Сегодня это единственное, чем апеллирует временное правительство к народу, но из-за ряда причин, в том числе и неблагоприятной экономической ситуации, приобретает извращенные формы и приводит к межэтническим конфликтам. “Виновных искать не нужно, – утверждают СМИ и временное правительство, т.к. провокаторы – это представители и приближенные семьи президента”. В начале апреля на решетке Белого дома были вывешены два плаката с надписью: “Грязным евреям и Максиму Бакиеву не место в Кыргызстане!”. Не указано при этом, какие конкретно евреи имеются в виду. Как относиться к тем евреям, которые считают Кыргызстан своей родиной и внесли определенный вклад в развитие республики? Содержание данного плаката, конечно же, способствует агрессивной этноидентификации титульного этноса, но неприемлемо в полиэтничном государстве.

С какой проблемой (как высказался В. Путин, “одни и те же грабли, на которые наступали оба президента”) столкнулись и А. Акаев, и К. Бакиев? Истина в том, что при формировании мифа в кочевой среде, культурное единство осознается не при общности территории (то есть она, конечно, может присутствовать, но не является доминирующим фактором). Априорное единство

кочевника – это единство по крови. Этим объяснима динамика устойчивости родоплеменного деления в кочевой или в бывшей кочевой среде. Сам по себе образ жизни кочевника является независимым и единственным фактором защиты, а также межэтнической коммуникацией, является его род, его фамилия. Однако в кочевой среде невозможно четко провести социальную дифференциацию и определить группы, отвечающие за эту коммуникацию. Другими словами, кочевое сообщество постоянно заново выдвигало из своей среды новых членов, которые отвечали за проникновение инноваций, в том числе духовных, в этнос. “Известно, что у кыргызов никогда не было ни монархии, ни аристократии. Традиционный предводитель – это манап, и его власть зависит от его личных качеств. Каждый манап независим, он у власти, благодаря своему уму и успехам в походах, своему умению управлять людьми и своему личному состоянию” [3, с. 118].

Основным критерием такого выживания, как подтверждает эпическое наследие кочевников, является знание собственного традиционного уклада жизни, то есть знание миропорядка. Это объясняет некоторые характерные черты ментальности кочевника образа жизни, такие, как неприятие инноваций в прошлом и толерантность. Толерантность в кочевой среде отличалась от таковой в среде земледельческой. Если для земледельца толерантность означала принятие каких-либо сторон жизни, культуры иной среды и за счет этого происходила эволюция собственной культуры, то для кочевника толерантность – принятие инноваций как постороннего элемента, к которому необходимо приспособиться без изменения в ментальности за достаточно длительный промежуток времени.

Структурно родоплеменные различия выстраивались, прежде всего, по мифоэпическим категориям. Это – общий предок, тамга (родовой знак) и некоторые формы обрядово-ритуальной жизни, касающиеся повседневного быта кочевника. Этническая идентификация проявлялась только в период крайнего межэтнического напряжения. Все вышеизложенное подтверждается спецификой правления А. Акаева и К. Бакиева.

По мнению О. Прицака, которое основано на выводах В.А. Шнирельмана, “в мифах, во-первых, отражаются наиболее болезненные для конкретных народов моменты действительности, а во-вторых, содержатся представления о предпочтительном решении такого рода проблем, претензии данной группы на особое место в политической структуре мира и стимулы к эт-

нической мобилизации во имя достижения поставленных целей” [4, с. 5; 5, с. 11].

Как мы подчеркнули выше, мифы, используемые в государственных целях, имеют этнический характер, так как идентичность требует собственной этнической истории – великого исторического прошлого, великих национальных героев. На основе перечисленных составляющих обозначается такое же великое будущее народа, которое изображается монолитным органическим единством, лишенным внутренних противоречий. Несомненно, что данный вид мифологизации является мощным средством воздействия на население страны в целях его объединения.

Совокупность ментальности и ценностных характеристик проявляется через героику в мифотворчестве народов, так как понятие “герой”, помимо исторического пути, по сути, озвучивает мировоззрение этноса. В процессе развития это может дополнять или изменять ценностные характеристики, но в то же время является необходимым для осознания собственной индивидуальности. Например, празднование 1000-летия эпоса “Манас” выдвигало одной из основных ценностных характеристик единение кыргызского этноса под эгидой создания собственного государства. Но при развитии государственности возникали новые задачи, для решения которых также привлекались образы исторических, мифологизированных героев. Так, при решении задач единения нации в качестве одного из направлений идеологии был привлечен образ Курманжан-датхи.

На примере исторических образов героев мы имели возможность наблюдать эволюцию этнокультурных ценностей, востребованных идеологией тех дней, то есть в сознании индивида фактически происходило наложение исторических образов на конкретные исторические личности, а сочетание ментальности и традиционных ценностей стало основополагающим в формировании идеологии правительства экс-президента А. Акаева.

Мифы близки народу, так как отражают не новую, а уже усвоенную и понятную им информацию. Именно поэтому они позволяют воздействовать на ключевые группы общественности не через введение новой информации, а через подключение к информации, уже понятной и знакомой целевой аудитории. Мифы как бы защищают людей от нежелательных изменений, делают появление нового менее болезненным, снижают барьеры восприятия.

В информационном пространстве существуют наиболее распространенные мифы, которые

рассматриваются государственными и общественными организациями как инструменты связей с общественностью. Например, для Кыргызстана в первые годы независимости наиболее характерным был миф о спасителе (Манас, демократический режим, А. Акаев). В период правления экс-президента А. Акаева в основе мифов были положены идеи единства всех народов, проживающих на территории страны с общим героическим прошлым (одно из программных заявлений: “Кыргызстан – наш общий дом”). С приходом к власти нового правительства, общественно-политическая ситуация основывается на четком формировании этнической самоидентификации, основанной на восприятии собственной принадлежности к определенной группе. Вначале стереотипы строились на диаметральных противоположностях: страна при А. Акаеве – страна после А. Акаева, север – юг и джигит – не джигит, затем на отождествлении: все – оппозиция; в настоящее время: все – чиновники (которые не выполняют своих функциональных обязанностей и своими действиями ведут народ к обнищанию).

Как мы указывали выше, в структуре этнической идентичности выделяют и другой компонент, основу которого составляет комплекс стереотипов. Этническая идентификация всегда предполагает наличие определенного этнического образа – себя, своих и чужих. Этот образ (авто-стереотип этничности) является всегда положительным, в связи с чем каждая этническая группа обычно сравнивает себя с еще менее успешной и слабой группой. В противном случае одним из следствий может быть формирование негативной этнической идентичности (отрицательная когнитивность), которая может сопровождаться чувством неполноценности, ущемленности, стыда за представителей своего этноса (в политической практике современного Кыргызстана достаточно часто мы можем слышать, как представители власти пытаются пристыдить кыргызов за те или иные действия и проступки). Каждая этническая группа стремится избежать таких ощущений, срабатывает инстинкт самосохранения, возникает потребность в безопасности. А это, в свою очередь, является стимулом для самоорганизации и саморегулирования этноса.

В процессе коммуникации люди склонны дополнять образы взаимодействующей стороны до соответствия сложившимся стереотипам. То же самое происходит в отношении явлений, процессов, продуктов, организаций и стилей поведения. Стереотипы воздействуют на поведение людей определенным образом, совершенно не-

понятным и нелогичным для внешнего наблюдателя, но это воздействие огромно.

Социум разрабатывает схемы, отражающие его знания о себе, о других и выполняемых общественных ролях. Когда эти схемы закрепляются, они определяют свой способ обработки информации и формирования суждений о себе и других, что, в свою очередь, формируется под влиянием культурного окружения, в котором живет социум, то есть стереотипы детерминированы культурой.

Большинство людей, принадлежащих к одной этнической группе и населяющих одну территорию, обычно обладают одинаковыми стереотипами. Можно выделить огромный пласт стереотипов в относительно устойчивых чужих культурах (гетеростереотипы). Этнические гетеростереотипы могут быть положительными либо отрицательными в зависимости от исторического опыта взаимодействия народов. Следующий пласт составляют стереотипы – представления одной социальной группы о другой, которые существуют в каждой этнической группе. Например, стереотипы, сформировавшиеся на основе взаимоотношений городских и сельских жителей.

В основе национальной идентичности лежат также и этнические ценности, представляющие собой форму бытования всей суммы этнокультурных элементов, принятых конкретной группой людей. Этнические ценности переосмысливаются как знаки – символы, которые люди используют в целях этноидентификации и которые лежат в основе процессов этнической мобилизации. Ценности этнической культуры связывают человека с его историческими корнями, этнической историей.

Следует отметить также, что важнейшим, но проблемным для кыргызов, маркером этнической идентификации является национальный язык. И в этом мы можем видеть относительно этноидентификации кыргызов, что обусловлено в значительной мере уровнем владения родным языком конкретного индивида или данной субкультурной общности. Заметим, что реальная практика языкового общения, демонстрируемая обывателями, СМИ, политическими лидерами, работодателями свидетельствует о приоритете все-таки русского и английского языков. Кыргызский язык если и присутствует, то в разделе “желательно” в лучшем случае. Это означает, что, во-первых, декларативное провозглашение значения кыргызского национального начала сопровождается на самом деле снижением глубины освоения и причастности к кыргыз-

ской культуре. Во-вторых, внеэтническое понимание национальной общности и национальной идентичности основывается на факте реальной включенности представителей других народностей в состав кыргызского этноса.

Мы убеждены, что роль языка в этнической идентификации заключается не в использовании его в качестве объективного критерия, на основе которого проводятся границы между этническими группами по принципу: где заканчивается пространство одного языка, начинается другая этническая группа. Такой жесткий принцип, на наш взгляд, непригоден для практического применения в современных многоязычных обществах, где индивиды и целые народы владеют разными языками и в зависимости от ситуативного контекста используют разные языки. Для этнической идентификации язык имеет, в первую очередь, значение как один из элементов этнического самосознания – субъективного представления, идеи, на основе которой индивид ассоциирует себя с этнической, языковой группой.

Этнокультура, состоящая из духовного и материального компонентов, представляет собой постоянно изменяющуюся культуру. Если какого-либо компонента представленных категорий не достает, он замещается другим из другой категории, что позволяет этногруппе через личную и социальную капитализацию постоянно этноидентифицировать себя в мировом пространстве. Таким образом, мы можем утверждать, что категории этнической идентификации и самоидентификации не постоянны, их трансформация зависит от социокультурной, политической, экономической ситуации в стране, а также от сложившихся межгрупповых отношений.

Литература

1. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2003.
2. Чернявская Ю.В. Народная культура и национальные традиции. Минск, 1998.
3. Дор Р. Оригинальный политический строй, статус кыргызского предводителя Рахманкула в монархистском Афганистане // Государственность и религия в духовном наследии Кыргызстана / Отв. ред. В. Плоских. Бишкек; Лейпциг, 2003.
4. Прицак О. Ценность прошлого: этноцентрические исторические мифы, идентичность и этнополитика // <http://www.ruthenia.ru>.
5. Шнирельман В.А. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // <http://www.kroraina.com>.